

Храмовые правила должны быть нарушены (1)

— Правда? Тогда нам определенно нужно полюбоваться им, — Цзин Вань, очевидно, очень заинтересовалась. Немного подумав, она добавила: — Я приглашу Цзя цзэцзэ, Юань бяоцзе и Ин Шуан поехать вместе. Чем больше людей, тем лучше. Я отправлю им приглашения прямо сейчас.

Цзин Вань не была нерешительным человеком. Слова у нее никогда не расходились с делом.

Гун момо скорее хотела, чтобы она отказалась. Отвергни девушка ее предложение и этот изверг не сможет обвинить их в том, что они не приложили усилий. К сожалению, можно сказать, что повод для поездки был выбран идеально, точное попадание в слабое место барышни.

"Опять я "помогаю Чжоу совершать жестокости" [1], — вздохнула про себя Гун момо. — Ах, барышня, вы так взволнованы, но вы добровольно входите в опасное волчье логово!"

Цзин Вань писала приглашения и говорила:

— Через некоторое время я пойду к бабушке и спрошу, не хочет ли она тоже поехать. Бабушка много лет жила вдали от столицы. Она, вероятно, ностальгирует по многим здешним местам.

— Барышня все еще так почтительна к старшим, — при наличии Ло лаофужэнь, захоти она оставить барышню рядом с собой, это будет совершенно законно, и, разумеется, она не останется одна так легко. Если этот живой Янь-ван захочет что-то предпринять, ему все равно придется трижды подумать. Хотя Гун момо никогда не считала, что его остановит наличие большего числа людей. Но в таких обстоятельствах, когда другого выхода не было, она могла утешиться только так.

— Это не имеет ничего общего с почтительностью к старшим. Я просто поставила себя на ее место и почувствовала, что для бабушки, вероятно, все так и есть.

Цзин Вань закончила писать приглашения и взяла их с собой прямо в главный двор. Когда она предложила поехать в храм Белого дракона, чтобы повеселиться и воскурить благовония, Ло лаофужэнь, естественно, не отказалась. На данный момент времени у Ло лаофужэнь не имелось никаких важных дел. Хотя она не особенно интересовалась персиковым садом храма Белого дракона, она скучала по его вегетарианским блюдам.

— В конце концов, прошло уже столько лет, боюсь, что повара давно сменились. Не знаю, будет ли их еда такой же вкусной.

— Есть такая поговорка: возьми все лучшее и выбрось мусор. Возможно, сейчас вкус даже лучше, — с улыбкой сказала Цзин Вань.

— Вань Вань права, возможно, сейчас даже лучше. Когда ты собираешься поехать с твоими хорошими подругами?

— Завтра.

— Когда дело доходит до растений и цветов, ты само нетерпение, — шутливо погрозила ей пальцем Ло лаофужэнь.

— У этой внучки только такое вот маленькое увлечение, — в связи с этим Цзин Вань не чувствовала, что что-то не так. — Если бабушка считает, что этот день не подходит, мы можем изменить время. Приглашения еще не разосланы, — несмотря на то, что ей не терпелось увидеть этот цветущий пейзаж, она могла подождать еще один-два дня.

— Нет необходимости, пусть будет завтра, — Ло лаофужэнь прямо подозвала своих людей, чтобы отправить с ними приглашения.

После этого Цзин Вань задумалась над другим вопросом:

— Бабушка, может, нам спросить других сестер, не хотят ли они тоже поехать?

Разве плохо было подумать о них изначально? Цзин Вань начала размышлять про себя: в конце концов, они больше не в Циань Фу. Она не единственная барышня, которой нужно время от времени выезжать на природу, чтобы подышать свежим воздухом. Кроме того, в столице, несмотря ни на что, она не могла жить такой же свободной жизнью, как в региональной префектуре.

— Не нужно, они в столице не месяц и не полгода. Что могли увидеть, они уже видели, и места, которые нужно посетить, — уже посетили. Возможно, они уже съездили на любование, когда персиковые деревья только зацвели. Через некоторое время я просто пошлю кого-нибудь к твоей четвертой шэнь.

— Хорошо, тогда я послушаюсь бабушку, — разумеется, Цзин Вань была очень довольна тем, что ей не обязательно ехать вместе с Ло Цзин Ин.

Приглашения, которые разослала Цзин Вань, были очень быстро получены. Ответы прислали с людьми, ответственными за рассылку, все приглашенные согласились на поездку.

Быстрее всех ответила Сунь И Цзя, обладавшая самым высоким семейным статусом среди них. Вообще-то, ответа на обычное приглашение, отправленное в городскую герцогскую резиденцию Дин, все равно придется ждать до следующего дня. Однако вчера, после того, как Сунь И Цзя вернулась домой, она уже поговорила со сторожами. Если кто-то из резиденции главного министра Ло придет искать ее или будет иметь на руках приглашение для нее, пусть этого человека приведут сразу к ней. Из-за этого Сунь И Цзя напрямую встретила со слугой

семьи Ло. Получив приглашение Цзин Вань, она, естественно, очень обрадовалась. Не стоило и говорить о храме Белого дракона, в котором можно полюбоваться персиковыми цветами, даже если они отправятся на окраину, чтобы посмотреть на сорняки, она все равно будет счастлива. Так что она немедленно написала ответ, ясно заявив, что завтра отправится в резиденцию Ло как можно раньше.

Другие две семьи тоже не были такими уж сложными или хлопотными. Кроме того, пришли из семьи Ло, сторожа обеих семей, естественно, не осмеливались вести себя неучтиво, поэтому те смогли успешно встретиться с хозяевами семьи.

Цзин Вань только что закончила согласовывать свою поездку, а Ли Хун Юань почти прибыл в храм Белого дракона.

Надо сказать, что ход Ли Хун Юаня на цветочном рынке и правда можно было назвать блестящим. В нем участвовало более половины чиновников всей столицы. Из немногих самых влиятельных на поверхности императорских сыновей ни один не сможет выбраться сухим из воды. Более того, это даже спровоцировало новую интенсивную борьбу между ними, взаимно подозревающими друг друга. И он, как вдохновитель, взбаламутив воду, не только хлопнул в ладоши и небрежно уехал, но и даже сделал это так, что его не подозревал ни один человек.

А те, кто смутно догадывался, что это его рук дело, как бы ни было им грустно, не сказали ни единого слова. Вместо этого они просто еще раз предупредили себя, что, следуя за таким господином, даже если их возможности несколько ограничены и полностью раскрыть свой потенциал не получается, даже если они стали теми людьми, которым нужно только работать и не задавать вопросов, надо понимать, что неверность недопустима.

Ли Хун Юань, скрывшийся в роще, пялился на этот великолепный буддийский храм, пропитанный ароматом благовоний. Мысли его снова стали несколько рассеянными.

Храм Белого дракона был буддийским храмом императорской семьи. Помимо нескольких особенных дней, это место открывалось и для простых людей. Вот почему воскурение благовоний не прекращалось круглый год. Кроме того, возглавлявший его монах, Ляо Чэнь, был признанным буддийским наставником высшего ранга, нашедшим путь к спасению и постигнувшим Дао. Так что в этом месте было шумно почти круглый год.

Гадание наставника Ляо Чэня, чтение гадательной диаграммы и исследование имен очень точны. Однако за год он рассчитывал не более трех судеб. Кроме того, нужно быть человеком, связанным предопределением. В противном случае, даже если его величество лично удостоит наставника своим присутствием, тот все равно не позволит ему нарушить правила. Для некоторых так называемый человек, связанный предопределением, был, вероятно, приятным для глаз человеком, но для наставника Ляо Чэня это не имело значения. Он не делал различий между благородным и скромным статусами. Исследование человеческой судьбы вообще не полагалось на зрение.

Каждый год бесчисленное множество людей искренне надеялось оказаться связанными

предопределением, о котором говорил наставник Ляо Чэнь. Они не только желали узнать свою судьбу, но и позволить ему изменить ее.

Никто не знал, откуда появился некий слух, но все глубоко верили в него. Дело не в том, что не было влиятельных чиновников, которые хотели заставить наставника Ляо Чэня изменить их судьбы. Был один такой человек, но вскоре он умер неестественной смертью. Этому человеку несколько наставников уровня Ляо Чэня говорили, что "жизнь хоть и немного ухабиста, но все же долгая". Но когда он умер, ему еще не было и тридцати. В одно мгновение эти беспокойные люди закрыли рты от страха, не осмеливаясь действовать опрометчиво. Столкнувшись с наставником Ляо Чэнем, они все проявляли уважение. Если он предскажет их судьбы или даст им несколько советов, естественно, это будет хорошо. Если нет, то они не станут навязываться.

У наставника Ляо Чэня были и другие правила: он не предсказывал судьбу страны, близкие или отдаленные события.

Было легко понять, почему он не предсказывал так называемую судьбу страны. А что касается близких вопросов, то это то, что произойдет очень скоро. Вопросы мира могут меняться бесчисленное количество раз в одно мгновение. Предсказанные близкие события все равно трудно изменить. Что касается отдаленных вопросов, он не станет предсказывать события, которые могут случиться через сотни лет. Временной разрыв слишком велик, он был бессилен предсказать их, подобное вообще почти невозможно рассчитать.

Наставник Ляо Чэнь не из тех людей, которых никто и никогда не видел или которые то закрываются, то снова проявляют себя. Иногда покидая столицу, он не позволял людям заблуждаться относительно своего местонахождения. Даже когда благородный человек или человек особой породы захочет встретиться с ним и послушать буддистские наставления, монах все равно не станет блюсти свой статус и избегать их.

Ли Хун Юань и наставник Ляо Чэнь вообще-то могут считаться старыми знакомыми, и не только в этой жизни. В прошлой жизни, в годы царствования, если бы не просвещавший и увещевавший время от времени Ляо Чэнь, злоба поглотила бы его еще сильнее, и тогда смертей было бы гораздо больше. И тираном и деспотом Ли Хун Юаня называли бы не только при дворе, но и по всей стране.

В этой жизни, смотавшись из дворца и открыв ванфу в шестнадцать, он сразу же отправился на поиски наставника Ляо Чэня. Ли Хун Юань почти ничего не сказал, только задал один вопрос:

— Может ли желание этого принца сбыться?

Никто не знал, сумеет ли наставник Ляо Чэнь увидеть что-либо. Он только сказал молодому принцу:

— У вашего высочества в душе одержимость, похожая на наваждение. Даже если этот скромный монах скажет, что желание не сбудется, вы откажетесь от этой одержимости?

— Не откажусь, — очень прямо ответил молодой Ли Хун Юань.

— Раз так, то зачем беспокоиться, можно ли это сделать или нет? Когда придет время, естественно, вы сможете узнать.

С тех пор Ли Хун Юань больше не задавал вопросов и не позволял наставнику Ляо Чэню предсказывать свою судьбу. Он иногда приходил к нему только для того, чтобы поиграть в ци, выпить чаю или обсудить буддийские учения. На самом деле Ли Хун Юань был довольно сведущ в буддийских учениях, но он всегда относился к ним с презрением. Иногда доходило даже до того, что он критиковал их прямо перед наставником Ляо Чэнем. Такие самонадеянные высказывания с его стороны были довольно частыми, и каждый раз наставник Ляо Чэнь только смеялся и ничего не отвечал. И только когда Ли Хун Юань заканчивал, он говорил с улыбкой:

— Ваше высочество понимает буддийские учения, поэтому вы можете найти другие способы опровергнуть их.

В ответ на это Ли Хун Юань только холодно фыркал.

Ли Хун Юань привел с собой только евнуха Му. Он простоял около четверти часа, прежде чем, наконец, направился прямо к заднему двору храма Белого дракона, стараясь не привлекать внимания. Наставник Ляо Чэнь уже почтительно ждал его там. Это был благожелательно выглядящий белобородый старец, одетый в монашескую рясу. Он, конечно, казался довольно старым, но цвет его лица был очень хорош, а его глаза не помутнели, как у обычного пожилого человека, наоборот, их яркость и ясность были сравнимы с младенческими — действительно невероятно. Тем не менее, эти глаза после одного только взгляда на собеседника могли заставить его быстро успокоиться.

Наставник Ляо Чэнь церемонно сложил ладони в приветствии:

— Этот скромный монах приветствует ваше высочество.

Монахи позади него тоже все поклонились.

— Наставник, не нужно быть слишком вежливым, — Ли Хун Юань вернул любезность. По сравнению с тем, каким он покинул дворец, измученный угрюмостью и сменами настроений, сейчас он казался совсем другим человеком. Он отличался от себя того так, как небо отличается от земли.

Компания направилась прямо в маленький дворик, где часто останавливался Ли Хун Юань. Там они зашли в одну из комнат, чистую и простую, пропитанную благоуханием благовоний. Разумеется, жгли сандаловое дерево высшего качества.

Ли Хун Юань сидел напротив наставника Ляо Чэня за низким двусторонним столиком. Послушник очень быстро принес чай. Это был особенный сорт, собранный с росшего в храме Белого дракона чайного дерева, которому сотни лет. Количество собранного чая каждый год было небольшим, и, что более важно, от сбора листьев до конечного продукта, все делалось наставником Ляо Чэнем. Возможно, из-за этого в нем могла накопиться сущность буддийской природы. Ли Хун Юань, став императором в своей прошлой жизни, деспотично запасал весь этот чай для себя. К счастью, Ляо Чэнь был очень великодушным и никогда с ним не спорил. Так как он хотел этот чай, буддист просто отдал его.

Ли Хун Юань посмотрел на тонкий пар, поднимавшийся из чашки. Вкус этого чая был уникальным. Горький, а потом сладкий. Вы проглатываете чай, рот наполняется сладким ароматом, оставляя по-настоящему насыщенное послевкусие. Самое главное, что он успокаивал нервы.

— У вашего высочества очень хорошее настроение, — сказал наставник Ляо Чэнь.

— Наставник прозорлив, поэтому, естественно, ничто не может быть сокрыто от вас, — небрежно ответил Ли Хун Юань.

— Ваше высочество может исполнить свое желание, — быстро добавил Ляо Чэнь. Тем не менее, из его уст это не звучало резко.

Ли Хун Юань сделал паузу и поднял голову:

— Спустя шесть лет, почему наставник вдруг упомянул это снова? По сравнению с тем временем ваше отношение тоже сильно отличается.

— Для вашего высочества иметь возможность исполнить свое желание — это счастье всего мира.

— Слова наставника слишком серьезны.

— Вы лучше знаете, что слова этого скромного монаха не пустая болтовня.

[1] 助桀為虐 — помогать Чжоу совершать жестокости: обр. в знач.: помогать злодею творить преступления

Согласно преданию, последним правителем династии Шан (около 1600 - 1046 гг до н. э.) был Чжоу Синь — тиран, погрязший в разврате. Существует множество историй о его непредсказуемом и жестоком нраве, о правдивости которых можно только строить догадки. Так, например, одна из них повествует о том, что когда один из старших родственников попытался ему возразить, Чжоу приказал его убить и принести его сердце, чтобы проверить, правда ли у мудрецов в сердце семь отверстий.

Еще одно предание описывает его любимую наложницу Дацзы, для которой он приказал наполнить целый пруд вином и развесить куски мяса на деревьях.

Когда на Великий Город Шан напало племя Чжоу, положившее конец этой эпохе и давшее начало новой династии, Чжоу Синь бежал с поля боя, облачился в самое роскошное платье и поджег себя в своем дворце. Так закончился период правления династии Шан.

Больше истории о Чжоу (Ди Сине) здесь: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ди_Синь,
<https://ru.wikipedia.org/wiki/Хули-цзин>.

По второй ссылке рассказывается о мифе, что наложница Дацзы была захвачена духом девятихвостой лисы и о том, какие зверства они творили

<http://tl.rulate.ru/book/19909/787808>